

Лана Барсукова

Счастливые неудачники

Москва
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б26

Художественное оформление серии *Анастасии Ивановой*

Иллюстрация на переплете *Анжелы Джерих*

РОМАН В ПЯТИ НОВЕЛЛАХ

Барсукова, Лана.

Б26 Счастливые неудачники / Лана Барсукова. —
Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-119307-2

В одном обыкновенном городе живут самые обычные люди. Они не нажили богатства, не сделали карьеру и не совершили ничего героического. Но не торопитесь относить их к неудачникам. У каждого из них были взлеты и падения, они захлебывались от счастья и едва дышали от боли. Они борются за счастье, за любовь, за порядочность. И они побеждают. «Счастливые неудачники» — книга про нас с вами.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-119307-2

© Барсукова С., 2019
© Анжела Джерих, иллюстрации, 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Вместо предисловия

Подвал был самый обыкновенный. Примечательной оказалась только табличка на входе. Яркое пятно на облезлой стене. Пузатые голубые буквы на фоне канареечного цвета. Как титры к мультфильму. «Детский клуб».

Лестницу клуба шлифовали детские ботиночки, за которыми едва поспевали растоптанные сапоги старшего, уставшего поколения. Картина была ежедневной, привычной и понятной.

Волны радости омывали этот подвал. Дети и родители шли туда за свободой друг от друга. Одни вырывались из педагогических тисков, куда их загнали папы и мамы, начитавшиеся умных книжек. Другие мечтали отправить ребенка на свидание с прекрасным и получить передышку от его вопросов, капризов, призывов поиграть и предложений пошалить. Словом, спуск в подвал означал восхождение в лучший из миров.

И мало кто задумывался о судьбах тех, кто вдохнул в этот подвал жизнь. Руководители кружков бы-

Лана Барсукова

ли частью этих стен, низкого потолка и малогабаритных окон. Они выросли в эти комнатки, наполнив их своей энергией, как растение заполняет горшок корнями. Живые привидения, готовые работать за смешную зарплату и микроскопический престиж.

У них часто спрашивали о способностях детей, но никогда не интересовались их судьбами. Стеснялись. Считали неделикатным. Как будто своими расспросами принудят рассказать о жизненном фиаско. Не от хорошей жизни взрослые люди целыми днями общаются с детьми. Ладно бы со своими. Так ведь с чужими. К такому берегу может прибиться только потерпевшее крушение судно.

Всего их было пятеро. Не судно, а целая флотилия. Знакомьтесь:

Ирочка — веселая и немного странная одинокая оптимистка, учит детей рисовать;

Маруся Ивановна — ни дня без пластилина;

Сан Саныч — баянист с покалеченной рукой и судьбой;

Изольда — изумительная женщина, выжигающая по дереву;

Петрович — застрявший в прошлом веке фотограф.

Вот такая непрезентабельная компания. И у каждого своя история, своя тропинка, по которой он пришел в этот детский клуб. Разные судьбы, пересекающиеся во времени и пространстве. Истории

Вместо предисловия

этих людей совсем непохожие, ведь одинаковых судеб не бывает. Но у наших героев много общего: они все хотят счастья, любви и все живут в одной стране, с которой так непросто ужиться.

Это роман в пяти новеллах. Единое полотно из нескольких фрагментов. Как будто сшитое из лоскутов одеяло. Каждый лоскутик проживает целую жизнь, прежде чем станет малюсенькой заплаткой на полотне вечности.

Модная штучка

—**З**ашибись! Не успела зарегистрироваться, как полным-полно заманок, — возбужденно комментировала Ирочка поиск работы с помощью интернета.

В переводе на обычный язык это означало «не успела зарегистрироваться, как пришло много предложений». Но Ирочка предпочитала более современную, как ей казалось, речевую форму. Ей доставляло удовольствие выворачивать слова, обрезать их, наращивать в самых непредсказуемых местах, отчего речь становилась «фирменной», только ей присущей. Делала она это не для «прикола» и не для того, чтобы произвести впечатление на окружающих. Ирочке было глубоко наплевать на то, как она смотрится со стороны. Просто ее душа просила нестандартных форм выражения.

Круг ее знакомых имел многолетний стаж, а время делает дружбу покладистой и терпимой. Старые друзья ее любили, хоть и с нотками снисхождения к ее странностям. Ласково называли Ирочкой, то

Модная штучка

ли в память об Эллочке-людоедочке, то ли умиляясь ее самобытностью.

Новые же знакомые сначала удивленно округляли глаза, но постепенно привыкали к ее пунктирной речи и размашистым манерам. И, посмеиваясь над ее странностями, становились членами Ирочкиной компании, объединенными чувством превосходства над забавной подругой, паразитируя на ее неумном, каком-то первозданном оптимизме. Даже о проблемах Ирочка рассказывала так, что получалось вкусно и жизнеутверждающе:

— Прикинь, шеф обворовался, а меня уволякали. Полфирмы в расходняк пустили. Не фирма, а штрафбат какой-то. Очуметь можно. Я прямо наревелась до одури. А потом подумала, и фиг с ним. Шеф-то наш уже позеленел от своих миллионов. А мне зеленый цвет не идет, лучше буду розовой безработной.

Ну кто еще мог так жизнерадостно рассказывать о вступлении в ряды безработных? Только она. И в свете таких историй у любого слушателя возникало чувство, что его проблемы не такие уж и проблемные.

Личная жизнь Ирочки была такой неказистой, что дружба подруг успешно выдерживала испытание завистью. У кого-то муж пил, у кого-то гулял, у кого-то занудствовал, а у Ирочки мужа не было вообще. Никогда. Ни по данным ЗАГСа, ни по сведениям бдительных соседок. Так, залетные ухажеры, не

Лана Барсукова

оставлявшие ей ни квадратных метров, ни банковских счетов, ни внебрачных детей. На этом фоне любая подруга чувствовала себя в выигрыше, что повышало градус любви к Ирочке. Бездетная, одинокая, небогатая оптимистка — воплощение идеала женской дружбы. А друзья-мужчины, бравируя знанием мужской психологии и в знак глубочайшей симпатии, предупреждали Ирочку: «Торопись, после сорока ты нахрен никому не будешь нужна». А как торопиться? Что делать, если не складывается?

Но вдруг, в один заурядный день, жизнь тихо сползла на новые рельсы и покатила, набирая скорость. Вообще-то скорость растёт, если поезд катится под откос. А тут жизнь пошла в гору, набирая ускорение против всех законов физики.

Все началось весьма прозаично. «Зарегавшись» на сайте вакансий, Ирочка получила «заманку» от фирмы по производству гипсовых «фигулин для красатулин», то есть фигур для декорирования дачных участков. Эти гипсовые гномы и зайцы были довольно пошлыми, и народ их сторонился. Глядя на них, редкий остряк не декламировал фразу из советской комедии: «Налетай! Торопись! Покупай живопись». Фирма почему-то решила, что все дело в нерадивости сотрудников, недостаточно активно втюхивающих товар населению. В результате часть работников уволили и начали набирать новых. Ну действительно, нельзя же уволить гномов и зайцев, значит, надо что-то делать с кадрами. Ведь кад-

Модная штучка

ры решают все. Кажется, это говорил Сталин. Но он не видел этих гномов.

Вот в такую фирму и пришла Ирочка. Менеджер, проводивший собеседование, постоянно говорил «давайте». «Давайте познакомимся...», «давайте представим ситуацию...», «давайте проанализируем.» Ирочка, уставшая от такого словесного однообразия, претившего ее натуре, не выдержала: «Если вечно всем давать, обломается кровать». И озорно улыбнулась. Просто так, для поднятия настроения, чтоб нескучно было. Мужик слегка ошалел, покраснел и экстренно закончил собеседование, обойдясь без традиционного «мы вам позвоним». Ирочка поняла, что вакансия прошла мимо нее, но не сильно огорчилась. Гипсовые гномики, зайчики и ангелочки показались ей слишком жеманными, с ними не хотелось иметь никаких общих дел. Особенно странными были гипсовые купидоны. Ирочка тут же представила, как эти малолетние толстячки с кривой улыбкой целятся в поднятый зад дачника, согнувшегося над грядками.

Собеседование закончилось ничем. Так думала Ирочка. И ошибалась. Через несколько дней неизвестный номер высветился на экране ее мобильного телефона. «А давайте куда-нибудь сходим» — по фигуре речи она узнала представителя гипсовых купидонов. «Давайте», — просто ответила Ирочка. Шутить почему-то не хотелось. Тем более что она помнила: перед ее шутками он пасует.

Лана Барсукова

Но хоть купидоны были и гипсовые, стрелы у них оказались самые настоящие. Спустя несколько месяцев Ирочка услышала: «А давай поженимся». Вместо ответа она кивнула. А что тут скажешь? Приближался сорокалетний рубеж, нужно было торопиться.

* * *

Аркадий, ее муж, торговавший гипсовыми фигурами для ландшафтного дизайна, а попросту для украшения дачных участков, очень скоро потерял работу. На своем горьком опыте он выяснил, что традиционные шесть соток не вмещают больше одного гипсового гномика. А угождая богатых клиентов брезгуют этими плебеями, предпочитая мраморные пародии на творения Родена. Благо французский скульптор заблаговременно умер, поэтому в суд подать не мог.

При увольнении в качестве утешительного приза, точнее, вместо зарплаты за последний месяц Аркадию выдали армию гипсовых фигурок – гномов с фонарями, зайчиков с ушами, ангелов с крыльями и домовых с ухмылкой. Были еще грешницы с кувшинами на гипсовых плечах. Почти как девушки с веслами, только хуже. «Гипсорята», как Ирочка их назвала, заняли все свободные метры их квартиры. Теперь можно было передвигаться только бочком, на манер краба, рискуя оцарапаться о торчащие из всех щелей гипсовые члены. Ар-

Модная штучка

кадий стеснялся этой армии, словно он навел на дом гипсовую чуму. Друзья искренне соболезновали, но никто не приобрел ни одного, даже самого маленького гнома. И только Ирочка резвилась от души, найдя в этих гипсовых джунглях достойный полигон для своего неумемного оптимизма. «Надо наших сожителей подшармить», — сказала она и начала обихаживать несчастных «гипсорят».

Свеклой, недорезанной в винегрет, она накрасила щеки дачному гному, приклеила пуговицы на воображаемую ширинку, нарисовала тушью татушку и внесла еще с десятков радикальных усовершенствований, включая полосатую шапочку с помпоном поверх гипсового темечка. Ее оптимизм выплеснулся на голову ни в чем не повинного благообразного гнома. Получился гном-гопник, хулиганистый и залихватский. Его фотка ушла в социальные сети. А оттуда в ответ — волна остроумных комментариев, провокационных советов и фривольных рекомендаций. Гном пошел гулять по сети, ловко перепрыгивая с сайта на сайт.

Но путешествие по Всемирной паутине было недолгим. Его пожелал купить какой-то отчаянный любитель оригинальности. Судя по сумме, которая была предложена, он не просто «пожелал», а «возжелал» этого гнома. Только страсть делает человека безумным.

Ирочка и Аркадий к приезду покупателя убрали подальше ножи и вилки, ожидая увидеть сумас-

Лана Барсукова

шествие в острой форме. Только чокнутый, по их мнению, мог предложить за гнома-гопника такие деньги. В нетерпении выглядывали в окно, делая ставки: на самокате или на роликах появится этот странный человек? В зеленый или красный будут покрашены его волосы?

Но к подъезду подъехал дорогой автомобиль цвета мокрого асфальта, из которого появился мужчина, словно сошедший с рекламы солидного стиля. Даже с высоты второго этажа, откуда выглядывали молодожены, было видно качество его ботинок. То самое качество, которое в рекламах приписывают исключительно «настоящим мужчинам». Волнение, исходящее от него, касалось лишь одного — что он не успеет приобрести этого заветного гнома, что перекупят конкуренты. Аркадий оценил машину и ботинки и, будучи опытным менеджером по продажам, понял, что Ирочкин гопник попал в премиум-класс. Обрадованный супруг быстро смекнул, что за скромные деньги серийные гномы никому не нужны, даже если бесплатно в придачу к ним давать гипсовых русалок. Но как «авторская работа» пойдут за большие деньги. Да что там гномы! Есть же еще девы с кувшинами, зайцы и прочая зоология и фольклор!

И пошло-поехало. «Гипсорята» разлетались, как пирожки на вокзальной площади, еще тепленькие. Ирочка озорно и весело пускала в ход крупу, перья, капала воском, поливала расплав-

Модная штучка

ленным сургучом, обсыпала конфетти и обклеивала бутылочными крышками. Она неожиданно для себя поняла, что у настроения есть цвет, форма, объем и даже запах. И упивалась своим открытием. Это было ни с чем не сравнимое чувство, волнующее и сладкое, похожее на душевное землетрясение, когда толчки творческой энергии подбрасывали ее среди ночи и заставляли, дрожа от нетерпения, превращать ничто в нечто. Бесцветные гипсовые фигурки становились персонажами со своими характерами и даже с личной жизнью, которая угадывалась в деталях. Вот приблатненный заяц, явно прошедший зону. А вот постаревшая русалка, всю жизнь безуспешно охотившаяся за Садко.

Ирочка ловила свое настроение за хвост и пришила его к гипсовым фигуркам, как будто оставляла себе на память. Единственное, что ее удивляло, как ее настроение может быть кому-то интересно. Денежный эквивалент чужого интереса был ей неизвестен. Этим занимался муж. Она не вникала в финансовую сторону вопроса. Зачем? Это же так скучно вести учет доходов и расходов. На свете для Ирочки самыми кошмарными словами были «бухгалтерия» и «стоматология». Гораздо веселее и интереснее размышлять о том, как утешить русалочку с помощью парика из серпантина. И потом, о деньгах думают, когда их нет. А у них с Аркашей с этим все было в порядке. На жизнь ей

Лана Барсукова

хватало. И даже на очень приятную жизнь — с мужем, с весельем, с творчеством. А что еще надо?

К этому времени Аркадий создал небольшую фирмочку и самолично ваял для Ирочки гипсовые заготовки, разбавив традиционных гномов и девиц новыми персонажами. Политических деятелей они не трогали, на это было табу. Но вовсе не из-за любви или уважения к рулевым нашего огромного нефтяного корабля. Просто Аркадий решил не уподоблять их с Ирочкой изделия арбатским матрешкам, по которым можно было изучать историю страны. Арбат — это другой ценник, другая рыночная ниша, для туристического племса, а Аркаша работал на премиум. Было сказано решительное «нет» всему, что хоть отдаленно напоминало изделия, выставяемые в киосках. Только эксклюзив. Только буйство фантазии самобытной Ирочки. Ну кому еще в голову придет собирать рыбную чешую, ходя с протянутой рукой по соседям, чтобы потом обвалить в этом водяного с ластой на голове? А чего стоил ее ежик, гордо несущий на спине сухофрукты? Ирочкины «гипсорята» получались стильно-чумовые, отвязно-эпатажные.

Довольно быстро Аркаша понял, что для поднятия ценника еще выше нужна красивая история о рождении нового стиля. Нельзя, чтобы люди узнали про зарплату, выплаченную гномами. Про случайность первой продажи. И про чувство легкого обалдения от первого гонорара, на который они

Модная штучка

гуляли целую неделю, регулярно выпивая за здоровье «лоха» в дорогом авто. Все эти подробности нужно предать анафеме, ни в коем случае не проговориться о них, лучше стереть даже из собственной памяти.

Необходима звонкая история про долгие годы творческого томления, страха выйти за рамки дозволенного, про накопившийся протест против условностей, сковывающих художника цепями самоцензуры. Хорошо бы запустить байку про то, как Ирочку выгнали из художественной школы за буйство фантазии и бескомпромиссную оригинальность. Дескать, она с детства была бунтаркой, видела жизнь иначе, чем остальные дети. Не могла рисовать и лепить, как все. И сколько она натерпелась от репрессивной системы отечественного образования, безуспешно пытающегося загнать ее в стандартные рамки, привести к общему знаменателю. Обязательно нужны яркие картинки. Например, как потом поседевшая учительница из той самой художки, гнобившая Ирочку-ученицу, со временем осознала свое невежество и ограниченность и встала на колени перед гномом с татушкой. Словом, работы у Аркадия — непочатый край.

Пора выводить Ирочку в публичное пространство, сделать ее участницей ток-шоу, а может, и фотосессию для мужского журнала провернуть. Чтобы в газетах мелькало ее мнение о положении в Сирии, о кремлевской диете, об отношении к сур-

Лана Барсукова

рогатному материнству, о присоединении Крыма и реставрации монархии. Словом, ни дня без публичности. Встала, умылась и плюнула в вечность.

Но тут нужно крепко подумать. Возможно, стоит сделать все наоборот. Публичность ведь может «приземлить» образ художницы, быстро надоест. И потом по поводу того же Крыма мнения различаются, причем кардинально. Станут ли покупать «гипсорят» те, кто придерживается другой точки зрения? И какой другой? Куда лучше встраивать Ирочку – на Первый канал или на «Эхо Москвы»? Нет, это опасный путь. С конъюнктурой можно не угадать.

Не лучше ли избрать имидж затворницы, игнорирующей мир за пределами творческой мастерской? И тогда строить историю загадочной художницы, живущей в уединении и не допускающей к себе журналистов. Которая в ток-шоу не только не участвует, но даже не знает об их существовании. Которая презирает всю масс-культуру и телевизор как ее воплощение.

Аркаша ломал голову над этими вопросами днем и ночью. Как будет эффективнее? Что создаст больший резонанс вокруг имени Ирочки? Ведь чем эффективнее история Ирочки-художницы, тем эффективнее их бизнес. Чем больше внимания к Ирочкиной персоне, тем больше ценник на ее «гипсорят». В результате взвешивания всех «за» и «против» Аркадий решил делать Ирочку публичной персоной,

Модная штучка

мелькающей на телевизионном экране как можно чаще, однако избегающей острых политических дебатов. Пусть лучше обсуждает, почему от Ольги Бузовой ушел муж, чем почему Крым ушел от Украины. Важно не потерять покупателей самых разных политических ориентаций.

Как менеджер по продажам Аркадий отлично знал, что все узнаваемое легко может стать продаваемым. Известность конвертируется в рубли точно так же, как доллары и евро. Надо быть персоной «на слуху» и «на виду», чтобы отвоевать кусок этого странного рынка, называемого искусством, где нет критериев качества, нет разумного ценообразования, вообще нет здравого смысла, а есть только тщеславие так называемых ценителей искусства и цинизм тех, кто делает на этом деньги. Аркаша презирал искусство и особенно «почитателей» разномастных талантов, но уважал тех, кто сумел серьезно на этом заработать. Ведь надо же было так обставить дело, чтобы заморить Ван Гога голодом, а после смерти художника продавать его картины по рекордным ценам. Гениальная афера! Эти мысли согревали кровь, но прогоняли сон Аркадия.

Он мотался по Москве, как заяц по лесу, не зная ни минуты покоя. Знакомился с журналистами, продюсерами и редакторами, понимая, что без поддержки СМИ не обойтись. Он прикидывал, как и с кем нужно подружиться, чтобы протолкнуть жеману в медийное пространство, сделать ее имя узна-

Лана Барсукова

ваемым. Начал активно интересоваться, сколько стоит мутная статья какого-нибудь искусствоведа про то, как точно Ирочка уловила нерв эпохи, визуализировала свое время. Оказалось, что совсем недорого.

В размышлениях о брендировании собственной жены Аркадий проводил бессонные ночи. Ирочка же спала, как младенец, то есть путая время суток. У нее установился своеобразный режим дня, грубо попирающий советы врачей о здоровом образе жизни. Ночами она могла обклеивать гипсовую лисичку луковой шелухой, собираемой долгие месяцы в специальный мешочек, а днем спать, даже не задергивая шторы. Но, несмотря на этот чудовищный образ жизни, радостный румянец не сходил с ее лица.

Кстати, про лисичку. С нее началась целая тема. Аркадий сперва встревожился, ведь шелуха не долговечна, выгорает на солнце и раскисает от дождя. Найдется ли покупатель? Потом понял, что в этом есть своя «фишка». Надо только умело позиционировать такой скоропортящийся товар. Превратить уязвимость в главный козырь. Искусство на час — это то, что могут позволить себе только богатые люди. Ведь покупают же букеты, которые живут пару дней. Его бывший шеф, желая похвастаться, рассказывал, что отдал бешеные деньги за какую-то африканскую розу, которую завезли в их город в единственном экземпляре. Понятное де-

Модная штучка

ло, что шефа развели. Но ведь получилось же у кого-то. А он чем хуже? Аркадий стал почитать книги и открыл для себя целый мир.

Выяснилось, что люди давно перестали потреблять вещи как таковые, превратив их в символы своего места в гонке за успех. Красота, получается, вещь относительная. Даже кариесом гордились и выставляли напоказ гнилые зубы, пока сахар был удовольствием богатых. А сейчас хвастаются белыми зубами, потому что хорошая стоматология стоит, как крыло самолета. Роза кажется красивее ромашки потому, что растет в оранжереях и доступна немногим. А ромашка продается задешево, как дурнушка, ведь ее можно косой косить в полях. Люди считают красивым то, что дорого стоит.

Когда-то родовитые барышни берегли лица от загара, и было это задолго до открытия вредного воздействия солнечных лучей. А сейчас, когда ученые собрали на солнце убийственный компромат, «продвинутые» особы загорают в соляриях. С риском для жизни, но загорают. И все это только для того, чтобы отделить себя от «простецов» с более тонким кошельком. Когда-то простых людей выдавал загар, неизбежный спутник работы в поле, под открытым небом, вот и ценилась белизна кожи. Сейчас пролетарии умственного труда сидят в офисах, приобретая синюшную бледность под кондиционированным воздухом, а хозяева жизни переплывают океаны на яхтах, которые стоят как бюджет среднего

Лана Барсукова

российского города. Загар становится эмблемой успеха, доказательством удачно сложившейся жизни. Вот и ходят толпы в солярий, покрывая тело пылью успеха. Дескать, и мы загорелые, со стороны нас можно спутать с хозяевами яхт.

Аркадий прекрасно понимал, что в нынешней России желтая майка лидера выглядит как спортивный автомобиль, шелестящий по гравию охраняемой территории, где за изгородью тщательно подстриженных кустов виднеются башенки собственного дворца. Все, что ему нужно сделать, — вписать в эту глянцевою картинку Ирочкины поделки. Шелест гравия, проплывающий за окном пейзаж и — внимание! — яркое пятно в виде нелепого гнома. И все. Нужно сделать этих «гипсорят» неотъемлемым пазлом, фрагментом «красивой жизни» богатых людей. И тогда ценник отрежет от «гипсорят» простую публику. Обладание ими станет маркером социального успеха, зримым свидетельством того, что жизнь удалась. Сами толстосумы начнут по своей тусовке распространять вирус нового бренда. «Как? Вы не знаете? Вы еще не приобрели? Это новая эстетика! Ничего подобного прежде не было». В том, что у толстосумов нет иммунитета в виде здравого смысла, Аркаша не сомневался. Он твердо знал, что тщеславие — отличная среда для распространения подобных болезней.

Но он, как создатель и распространитель нового вируса, должен работать виртуозно. Продумать

Модная штучка

все детали, вплоть до одежды и аксессуаров новой звезды. В этом деле мелочей нет. С алюминиевым ведерком вместо сумочки ходить не обязательно, но некий вывих, причуда должны бросаться в глаза. Ирочка не может выглядеть как учительница начальных классов. Впрочем, тут волноваться нечего, с этим проблем не будет, тут жена не подведет.

Еще до свадьбы Аркадия раздражала некоторая несуразность в одежде Ирочки. Нарядится как чучело огородное и стоит, рот до ушей, хоть завязочки пришей. А то, случилось, оденется, ну чистый светофор на ножках — зеленая кофточка и красные колготки из-под желтой юбки. Даже неловко было появляться с ней в общественных местах. Аркадий ее немного стеснялся. Может, поэтому они так быстро перешли на свидания в домашней обстановке, что резко спрямило дорогу в ЗАГС. Он тогда переживал еще: как с ней на корпоратив пойти или на день рождения к шефу? И где теперь этот шеф? В очереди за Ирочкиными «гипсорятами». Да и то, если только Аркаша ему дисконт по старой дружбе предложит.

Аркадий был прирожденный менеджер по продажам. Он быстро понял, что «гипсорята» могут продаваться только вместе с яркой историей о новой экзальтированной художнице. В их семейном бизнесе наметилось четкое разделение труда: Ирочка творила «гипсорят», а Аркаша не покладая рук творил историю о рождении нового слова

Лана Барсукова

в искусстве, брендовал свою жену. Ну, еще по мелочи, вел бухгалтерию, рулил денежными потоками.

Не будучи дураком, Аркаша понимал, что нашел вечную тему. По крайней мере, на его век хватит. Кончатся «гипсорята», пойдут человечки из желудей, пирамидки из спичечных коробков, лунные пейзажи из бересты, да мало ли что еще можно придумать. Потому что главный объект торговли – сама Ирочка. Тут ведь что подкупает: нигде не училась, а какой мощи талант. Значит, и для понимания такого искусства не надо академий кончать. Дополнительный бонус полноценности тем, у кого есть деньги. Точнее, много денег.

Получается, Аркаша торговал не столько «гипсорятами», сколько женой. Гениальная схема с точки зрения логистического удобства и бесконфликтности. Какие могут быть счеты между своими? Торговля шла бойко. Ему даже удалось пропихнуть Ирочку в телеэфир в самый прайм-тайм, то есть в то время, когда вся страна, затраханная прожитым днем, рассаживается вокруг телевизоров. Правда, ради этого пришлось подарить продюсеру белочку с прилипшей к мордочке лузгой от семечек.

Жена на съемках вела себя изумительно. Она говорила своим «фирменным» языком, чем идеально подтверждала легенду о самородке, видящем мир как-то по-особому. Программа была посвящена современному искусству.

Модная штучка

— Может ли человек жить без творчества? — делал подводку ведущий.

— Легко. Творняжек вообще мало.

— Простите, кого? — поперхнулся ведущий.

— Творняжек. Тех, кто не может жить без творчества, как дворняжка без двора.

— Вы шутите?

— Вовсе нет. Я же живу. И вы, я смотрю, не кашляете.

Ведущий чуть не закашлялся.

— А разве мы с вами не люди творческих профессий?

— Очуметь! Так творчество еще не опускали, прям мордой в грязь. Да вы омоновец, я посмотрю, — и улыбка во весь экран.

* * *

Все шло хорошо. Аркадию иногда казалось, что он нашел философский камень, превращающий гипс в золото. Правда, Ирочка стала улыбаться все реже. Как будто ее оптимизм был величиной конечной, и его запасы начали подходить к концу. В бидончике ее жизнерадостности показалось доньшко. Она больше не творила ночами, а спала, как все нормальные люди, чтобы с утра снова заступить на вахту. Но, вопреки мнению врачей, правильный режим дня не оказывал на нее благотворного влияния. Скорее, наоборот. Она осунулась,

Лана Барсукова

появились темные круги под глазами, да и сами глаза как-то потухли, перестали высекать искру игривой бесшабашности. И «гипсорята» начали повторяться, тускнеть, терять легкость озорства и блеск фантазии.

Особенно ее ломало после телевизионных эфиров. Самыми рейтинговыми были ток-шоу на семейные и социальные темы. Туда-то Аркадию и удалось внедрить свою жену. Он достаточно потрудился для того, чтобы Ирочку стали звать на самые популярные каналы страны. Еще в гримерке, пока ее причесывали и гримировали перед эфиром, продюсер посоветовал: «Ничего не стесняйтесь. Ведите себя, как на кухне». Но кухни бывают разные. Ирочка не знала, что бывают и такие. Кухня в коммуналке напоминала институт благородных девиц по сравнению с тем, что происходило в студии.

Известные люди, которых прежде Ирочка уважала и мечтала увидеть живьем, представлявшие ей значительными и умными, загадочным образом превратились в свору великовозрастных забияк. Они боролись за микрофон, как за главный приз своей жизни. Все средства были хороши — перекричать, оскорбить, выстрелить разоблачением, обвинить в некомпетентности, рассказать по секрету всему свету о частной жизни подруги. Ирочка думала, что эти люди расстанутся врагами и прямо при выходе из «Останкино» устроят бойню. Но во время ухода на рекламу они приятель-

Модная штучка

ски щебетали, чтобы по команде вновь превратиться в скандальных и непримиримых противников. Ирочке открывались неведомые прежде законы бытия, принять которые она не могла. И она болела от необходимости и одновременно невозможности жить по ним. Возвращаясь с ток-шоу, Ирочка сразу шла в ванную, чтобы смыть с себя то гадливое чувство, которое оставалось после телевизионных съемок.

Так день за днем в душе ее собирался неприятный осадок от всей этой светской кутерьмы. Сил творить было все меньше. И в одно трагическое для Аркадия утро Ирочка встала посреди комнаты, гордо именуемой мастерской, обвела глазами гипсовые развалы и отчетливо сказала: «Баста, карапузики». Она иссякла. Нечего было переливать в новые краски и формы. Единственное настроение, которое хотелось теперь запечатлеть, — нетронутый белый гипс. Незамаранный цвет — вот чего просила ее душа. Хорошо бы на море поехать и бродить по кромке воды в тишине и покое.

Пришлось Аркадию доставать свои гроссбухи и объяснять, сколько у них невыполненных заказов, сколько накуплено сырья, сколько невозвращенных кредитов, взятых на развитие семейного бизнеса. Для убедительности он тыкал пальцем в какие-то столбцы цифр, тряс в воздухе договорами, предъявлял банковские выписки. Отчаянно продавливал мысль, что нельзя вот так просто раз-

Лана Барсукова

вернуться и уйти. Нужно дотянуть эту лямку до какого-то рубежа. Ирочка молча слушала, не возражала и только все ниже опускала плечи под грузом аргументов супруга.

Аркаша неплохо знал жену и понимал, что на этот раз все обойдется. При всех своих заносах и заскоках Ирочка обладала редким качеством — она была хорошим товарищем. Забытое слово, точно выражающее самую суть ее отношения к людям. Она не подводила. Никогда. Не подведет и его. Попросила только: «Больше не затаривайся. Обрыдло уже». Даже жалко ее стало. Стоит в ночной рубашке среди гипсовой хмари, сама на своих «гипсорят» похожая: нелепая, отвязная, по случаю приобретенная и задорого продаваемая. Прямо как их первый гном.

Просится на покой, а нельзя, рано еще. Обладывая Ирочку цифрами, Аркаша опустил мелкие детали. Например, что на кредитные деньги строится милый домик в Черногории. Правда, оформлен он на его сестру, на всякий случай, если с Ирочкой не заладится. И что денежки в твердой валюте хранятся в правильном месте. Зачем художнику, творцу знать эти бытовые подробности?

Принужденная тянуть лямку, Ирочка работала на грани фола. Она как будто пыталась нащупать черту, переступив за которую добьется того, что ее творения перестанут покупать. Надевала на гипсовых девиц вульгарные парики, красила им ногти

Модная штучка

пошлым лаком, вкладывала в кувшины женские прокладки. Но публика все принимала с восторгом. Чем больше издевалась над ними Ирочка, тем больше был ценник на ее «гипсорят». Рынок словно передергивала конвульсия восторга.

Статьи о ней расползались по модным журналам, как тараканы по коммунальным коридорам. Ирочку называли «иконой постмодерна», «квинт-эссенцией бессмысленной эпохи». А уж «последний гвоздь в крышку гроба модерна» оказался таким тиражируемым, что страшно было представить себе размеры этой крышки.

На такой волне закрывать бизнес не хотелось до слез. Аркаша осторожно, как бы в шутку, предложил жене отойти в сторону, чтобы под ее именем поработал кто-то другой. Есть же «литературные негры». От маэстро — только имя на обложке, а все остальное делает какой-нибудь студент литературного института. Но там хоть квалификация нужна, не каждый напишет остроумный детектив или слезоточивую бабскую тягомотину. А тут, смешно сказать, — покрасить, приклеить. Любой маляр справится, даже выгнанный из ЖЭКа за пьянство. Может, пусть Ирочка отдохнет, а вместо нее поработает какая-нибудь креативная девушка из художественного училища? А что? Хорошая идея! Но Ирочка так на него посмотрела, что пришлось выдавить из себя смешок. Пошутил, дескать.

Лана Барсукова

Между супругами наметился тектонический разлом. Раздражение Аркадия росло день ото дня. В нем бродили дрожжи претензий к жене, бурлили невысказанные упреки. Это он создал на пустом месте «икону постмодерна», построил для нее рынок, вывел на уровень богемы. На блюдечке принес деньги и славу. Да если бы не он, украшали бы ее «гипсорята» помойки. Самое место им. Вообразила себя художницей! Устала она, видишь ли! Настроение пропало! Вдохновения нет! И он, все это создавший буквально из ничего, вынужден упрашивать, клянчить продолжения, подыгрывать этой марательнице гипса. Он, гениальный мистификатор, уговаривает посредственную художницу еще немного побыть «звездой»! Ну не бред?

Однажды вечером Аркаша нырнул в интернет и вынырнул с очередной добычей, подробным разбором Ирочкиного творчества каким-то именитым искусствоведом. Опять «постмодерн», «квинтэссенция», но есть и новенькое — «визуализация эго», «королева вакханалии», «манифест антижлобства». Аркаша читал эту статью вслух и хохотал счастливым смехом удачливого афериста. Ирочка молчала. Но молчала недобро и напряженно, набычившись, избегая смотреть на мужа, который был ей неприятен. И вдруг без всякой связи спросила:

— А те два придурка, невидимычи? Чем кончили?

Модная штучка

— Какие невидимычи? — спросил Аркаша с раздражением. Не телеэфир, журналистов рядом нет, можно же и по-человечески говорить.

— Да, трудно с тобой. Невидимую ткань которые задорого толкали?

— Где толкали? — уже не скрывал раздражения Аркадий.

— Где-где? Разумеется, в Караганде. В Андерсиаде.

Аркадий, не первый год знавший жену, понял, что речь идет о сказке Андерсена, где два прохиндея сумели убедить короля в создании особой ткани. Ткань красивейшая, но есть одно «но». Ее не каждый может увидеть. Если человек глуп, то для него эта ткань невидимая. И все придворные, да и сам король таращились и хвалили ткань со стухановским энтузиазмом. Да, молодец жена, в самую суть зрит. Здесь ведь тот же фокус: Аркадий построил миф о новаторском самовыражении своей жены, и все подхватили, льют слюни от восторга, платят сумасшедшие деньги. И все это из страха, что их сочтут простецами, ничего не понимающими в современном искусстве. Аркадий же был убежден, что все так называемое современное искусство является грандиозным блефом по мотивам сказки Андерсена.

— Не помню. Кажется, какой-то мальчик этих ткачей разоблачил, — Аркаше был неприятен разговор.

Лана Барсукова

— А невидимычи? Что с ними стало?

— Не помню.

Через пару дней Аркадий увидел в руках у Ирочки сказки Андерсена. И вечером она возобновила этот неприятный разговор, как будто он и не прерывался.

— Их выгнали.

— Кого?

— Невидимычей. Ткачей тех.

— Заметь, без конфискации имущества, — пытался пошутить Аркаша.

— Позорняцкий финал. Я так не хочу. Им, наверное, в спину смеялись.

Аркаша понял, что это конец их бизнеса. Жену больше не уговорить. Она вообще в последнее время приобрела какую-то жесткость, непреклонность. Новое качество, которое Аркадия пугало и озадачивало. Не было больше веселой луковой шелухи, рыбьей чешуи с их неповторимой фактурой и запахом. Не было пойманной за хвост игровой бесшабашности. Ирочка стала работать с совсем другими материалами — битое стекло, острые металлические стружки, шипастая колючая проволока. словно хотела крови почитателей ее таланта.

К этому моменту склад был подчищен, домик в Черногории достроен, договоренности с продюсерами и журналистами исчерпаны. Записка под сахарницу стала финалом этой истории. «Прощай. Вместе нам трудно. Надеюсь, ты будешь счастли-

Модная штучка

ва». И ниже: «P.S. Заедет мой бывший шеф, отдай ему любого гнома. Этих денег тебе на первое время хватит».

Ирочка прочла и усмехнулась. Усмешка — это обрубок улыбки. Все, что осталось от ее фирменного «рот до ушей».

* * *

Обрубок улыбки... Блестящая заготовка для какого-нибудь прыткого журналиста. Окажись рядом Аркадий, и этот финал можно было бы неплохо продать, собрав продолжительные аплодисменты растроганной публики. Можно было бы организовать прощальный бенефис в виде финальной распродажи последних «гипсорят». Уж Аркаша бы проследил, чтобы эксклюзивный репортаж о прощании с искусством «иконы постмодерна» написали эффектно, элегантно, с налетом трагичности, но без дешевого бытописания. Именно так должны уходить с небосклона славы звезды.

Но Аркаша был далеко. А без него все вышло незатейливо, просто, можно даже сказать примитивно и банально. Страдания Ирочки были совсем заурядные, бабские, без тени чего-то оригинального, подobaющего «иконе стиля». Красные, припухшие от слез глаза, разбухший от соплей нос, неприбранные волосы, облупившийся лак на ногтях. Ведь плохо красить ногти, когда закончилась жизнь. Закончилась настоящей кляксой.

Лана Барсукова

Ирочка ходила по своей мастерской, то тихонько подвывая, то громко завывая, и не знала, что будет завтра. Не в высоком, философском смысле слова, где завтра означает всю оставшуюся жизнь. А в простом, бытовом значении, когда завтра — это день, следующий за сегодняшним. Это всегда знал ее муж, который составлял расписание, говорил, во сколько подойдет машина и куда Ирочке надо ехать, на какое время назначен прямой эфир или презентация нового бугика. Она была как женщина-ребенок, прикрытая от ветра спиной взрослого человека. Только со своими «гипсорятами» она чувствовала себя взрослой девочкой, поступала, как считала нужным. В остальном же шла за мужем, временами огрызаясь, покусывая и бунтуя, но всегда за ним. За те несколько лет, что они были вместе, Ирочка привыкла видеть жизнь, выглядывая из-за спины Аркаши, при этом ворча, что он заслоняет картинку. Эта спина в последнее время казалась ей неказистой, сутулой, даже лопатки топорщились как-то отталкивающе, отвратительно. Но сейчас, когда муж ушел и больше не мешал обзору, Ирочка запаниковала. Нужно собирать свою, только ей принадлежащую, новую жизнь. А как? Из каких кирпичей? Как приучить язык к слову «бывший»? Бывший муж в ее бывшей богемной жизни. Как трудно смириться с бывшим счастьем.

В этих тягостных мыслях Ирочка провела не одну неделю. Телефон не брала, на звонки не отвеча-

Модная штучка

ла, а если кто и прорывался через долгие гудки, то напарывался на Ирочкино откровение, перемежаемое всхлипами: «Меня больше нет. Меня гномы съели». Журналисты радостно возвестили, что звезда не выдержала творческого накала и съехала с катушек. Кто-то писал в меру интеллигентно, кто-то вызывающе скандально, поддерживая имидж своего издания, но ни один не упустил случая оттоптаться на этой теме, поднять рейтинг за счет такой интересной истории. Журналисты напоминали свору собак, вырывающих друг у друга лакомую кость — новость о закате «иконы постмодерна».

Вообще-то дозвонилась всего пара журналистов, еще один проник в дом под видом сантехника, а остальные, как двоечники, оперативно списали у них основную фабулу, добавив от себя интимные подробности — нервный тик модной художницы, ее истеричный смех и пустые бутылки вдоль батареи. Будучи профессионалами, они отлично понимали, что Ирочке не до того, чтобы подавать в суд за клевету. Она, скорее всего, в эти дни вообще газет не читает и телевизор не смотрит. Потому можно писать все, что душе угодно. Если, конечно, тут уместно говорить о душе. Безнаказанность обострила фантазию журналистов, они резвились, как дети, кидая комья грязи в спину уходящей «иконе». Прочитав парочку таких репортажей, Ирочке захотелось умереть. Не было спины, за которую она могла бы спрятаться от грязевой картечи. Все, что

Лана Барсукова

Ирочка смогла, — переломить пополам прежнюю сим-карту и завести новый номер мобильного телефона. Теперь она недосыгаема. Для того, кто хочет отрезать себя от мира, только смена пола работает более эффективно. Но пол менять Ирочка не стала. И по идейным соображениям, и по финансовым. Аркадий исчез вместе с деньгами.

Подруги навещали ее, приносили тортики или горячительные напитки. Они пытались взбодрить Ирочку, устраивали посиделки, рассказывали, как им думалось, что-то смешное и жизнеутверждающее. Ирочка вежливо улыбалась и благодарила за визит. Но чашки потом долго не мыла, они так и стояли в мойке с траурным осадком от духоподъемного чаепития. Засохшие кремовые розочки на недоеденном торте напоминали искусственные цветы на траурных венках. Дни шли, а легче ей не становилось.

В один вечер, будто снятый под копирку со вчерашнего, Ирочка сидела на кухне и тускло смотрела на кремовые розочки, засыхающие после очередного чаепития. Взгляд переполз на скатерть, обшитую старыми кружевами. Это ее мама в вечных поисках занять руки какой-то работой спорила их с чего-то вышедшего из употребления и перебросила на новый фронт — скатерть украшать. Самотканые кружева ручной работы, где дорожка каждой ниточки явная, не склеенная с другими, не то что у фабричных капроновых кружев. И Ирочка

Модная штучка

погрузилась в разбег этих ниточек, стала следить глазами, щуриться, водить пальцем, чтобы не упустить след, распутать узор. Пожалуй, впервые она распутывала не собственные страдания, не историю своих отношений с бывшим мужем, а что-то иное, новое.

Ниточки кружева петляли, разбегались, перекрещивались, путались, перегораживали друг другу пути, заходили в тупик, однако вновь отыскивали выход, тянулись куда-то, но пресекались стараниями других ниточек. Настоящий ниточный лабиринт. Полный хаос, паника в душе отдельной ниточки, страх запутаться и потеряться, заплутать и сбиться с пути, а вместе получается красота, музыка танцующих ниточек. И Ирочка вдруг поняла, вернее, почувствовала, что нет надежды. Что жизнь подобна кружеву, где петелька за петельку складывается орнамент. Что она, как ниточка, волеется в какой-то сложный узор, что тупик — это начало нового плетения. И не важно, что она его пока не понимает. А может, никогда и не поймет. Нужно только каждый день выдавливать из себя по петельке, бросать себя в накид, двигаться вперед, старательно плестись, перекрещиваясь с другими ниточками.

Старое кружево, споротое и бережно сохраненное мамой, кинулось Ирочке в руки как спасительная веревка, потянуло из омота отчаяния. А может, это просто восстало ее нутро, расположенное к ра-

Лана Барсукова

дости, ее неистребимая склонность к улыбчивости и движению. Возможно, кружево тут ни при чем, просто так совпало. Случайность, не более. Она устала страдать, вычерпала всю способность к печали, вот и заблестел вдалеке лучик надежды. Кто знает? Может и так. А может, это мама, сама того не зная, когда-то сплела петельку, подцепившую теперь Ирочкину ниточку? Неизвестно. Да и не важно.

Через пару недель Ирочка вышла на работу. В детский клуб, вести кружок рисования. Это получилось случайно, а потому совершенно правильно. На остановке Ирочка услышала разговор двух женщин. Одна жаловалась другой на то, что ребенок любит рисовать, а в их детском клубе такой кружок не предусмотрен. Все есть — уроки игры на баяне, лепка из пластилина, даже выжигание по дереву, а вот рисования нет. Вторая тетка реагировала довольно предсказуемо: «Чего ты хочешь? Страну разворовали, сволочи». Ирочка не вполне понимала связь между высокой политикой и кружком рисования, но не спорила. Выждала паузу и попросила адрес клуба.

Клуб располагался в подвале. Сбитые ступеньки и обшарпанные стены не оставляли сомнений в том, что Ирочка не перепутала адрес. Под детские клубы пускают то, что не удастся сдать в аренду коммерческим структурам. Принимая ее на должность с символическим окладом, никто от удивления со стула не упал. Ее просто не узнали, не

Модная штучка

увидели в обычной женщине «звезду постмодерна». И не потому, что Ирочка изменилась, посерела от горя и прочее, что любят описывать в романах. Наоборот, ее фирменный «рот до ушей» довольно быстро вернулся на свое рабочее место. Дремучесть новых коллег объяснялась довольно просто — они не были целевой группой Аркашиных атак, потому виртуозно спланированная рекламная кампания обошла этих людей с флангов, не задевая никоим образом. Они не читали дорогие глянцевого журналы, потому что не испытывали интереса к сравнению мяса кенгуру и акулы. Не попадали под каток разнообразных ток-шоу, стыдливо переключая каналы, как только кто-то начинал брызгать слюной, уча жизни беспутную героиню программы или свою страну. Не сидели в соцсетях, потому что не коллекционировали виртуальных друзей. Словом, сохранили достаточно здравого смысла и поэтому не попались в ловушки, старательно расставленные Аркадием.

Коллектив педагогов детского клуба был малочисленный, но колоритный. Старенький баянист Сан Саныч, без одного пальца на левой руке, учил детишек играть на баяне. Маруся Ивановна, пожилая женщина в стоптанных туфлях, счастливо жмурясь, показывала детям, как можно оживить пластилин. Дама без возраста со странным именем Изольда радостно кашляла от дымка, который вился от выжигания по дереву, словно вдыхала дым

Лана Барсукова

дорогих папирос, зажатых в длинный дамский мундштук. Был еще фанатично преданный шахматам отставной подполковник, истребляющий привычку детей называть ладью турой. А еще Петрович — забавный пенсионер с неопределенным прошлым, сохранивший пленочный фотоаппарат, фотоувеличитель и красный фонарь для проявления пленки. Он рассказывал и показывал, как делали фотографии в прошлом веке, что по уровню технического прогресса приравнялось в глазах детей ко временам Киевской Руси.

Благодаря этим людям теплилась жизнь в «рассаднике красоты», как назвала детский клуб Ирочка. Они обживали подвал, который щедро выделили им местные власти, с такой неумолимой решимостью, как будто здесь пролегал главный и последний рубеж их жизни. Ирочке предложили вступить в ряды этих блаженных. И она не упустила случая. Стала одной из них.

Первая победа, с которой Ирочка вошла в историю клуба, была одержана ею в «битве при коврике». Дело в том, что более чем скудное материальное положение организации претило вкусам разных проверяющих инстанций. И они, не скрывая неприязни к нищebroдам, изводили их, как могли. Точкой преткновения стал обычный коврик, который лежал у дверей клуба, на деревянном помосте. Без этого коврика дети заносили грязь. К тому же коврик у входа был необходимым элементом уюта

Модная штучка

в представлении Сан Саныча. Остальные члены коллектива проявили солидарность и согласились с тем, что без коврика вход выглядит каким-то неприятным. Было решено оставить его любой ценой. А цена оказалась немалая.

Пожарная инспекция пугала картинкой, как выбегающие при пожаре дети запинаятся о коврик, падают на нем и больше не встают, покрывая коврик мертвыми телами. Вывод был однозначный: коврик нужно прибить гвоздями, чтобы не елозил. Чего, казалось бы, проще? Но тут приходили представители санэпидемстанции, учетчики микробов и бактерий, и впадали в ужас от прибитого коврика. Ведь при уборке его надо обязательно приподнимать, чтобы мыть под ним пол. Ввиду этого двоевластия рядом с входной дверью в укромном месте лежали молоток и гвоздодер. И все члены «рассадника красоты» были обучены обращаться с этими инструментами. Иногда пользоваться ими приходилось по нескольку раз в месяц.

Ирочка предложила заменить гвозди на липучки, хорошо знакомые всем по китайским пуховикам. И фиксируется, и приподнимать можно. Пожарные и охранители чистоты сочли себя одураченными, но формально вынуждены были удовлетвориться таким решением проблемы. «Битва при коврике» завершилась победой коллектива.

Окрыленная первым успехом, Ирочка пошла дальше, да так далеко, как никто из ее новых кол-

Лана Барсукова

лег еще не ходил, — на прием к депутату. И вернулась с обещанием покрасить стены за государственный счет. То ли счет был такой мизерный, то ли приближались выборы, но стены действительно покрасили. После этого коллеги сочли, что Ирочка может все. Они смотрели на нее с восхищением, как на вожака.

Ирочке было неловко, потому что в кабинете депутата она не проявила никакого героизма. Все произошло как-то удивительно легко и просто. Поначалу депутат смотрел на Ирочку, как на назойливую муху, и от того взгляда она уменьшалась в собственных глазах до размеров насекомого. Она растеряла весь свой кураж и, ненавидя себя за беспомощность, лепетала что-то про облупившиеся стены, про детей, которые на них смотрят. Депутат молчал, думая о своем. Просительница напомнила ему о незавершенном ремонте в собственном многоуровневом коттедже, что было досадно и искрило ссорами с женой. Думая об этом, он не реагировал на просительницу. А Ирочка, чувствуя, что идет в своем монологе по третьему кругу, начала вставлять новые, незапланированные подробности:

— У нас же коллектив! Вы бы видели! Какие игрушки Маруся Ивановна делает! А Сан Саныч? Это же Паганини на баяне. У того струны лопались, а у нашего пальцы отлетали. Не все, конечно, один только. А кружок выжигания? Он же всем прикурить дает, на любом творческом конкурсе.

Модная штучка

Понимая, что ее несет куда-то вбок, скорее всего, на рифы, она замолчала. И весьма кстати, потому что депутат вдруг как будто проснулся и открыл рот:

— Маруся Ивановна говорите? И что? Все еще игрушки лепит?

— Лепит, — пролепетала Ирочка.

— Неугомонная, — странно отреагировал депутат. — Ну пусть лепит, если нравится. Пластилин все стерпит, даже дурацких коняшек с пятью ногами.

— Они не дурацкие. Это фантазийное направление, — робко возразила Ирочка.

Депутат задумчиво посмотрел на нее и вдруг великодушно произнес:

— Значит, стены хотите покрасить? Ладно, поможет вам раб божий Семен, — и чиркнул себе какою-то пометку.

«Совсем на православии торкнулись», — подумала Ирочка, но изобразила тихую воцерковленную улыбку. Лишь бы стены покрасили.

И ведь покрасили. Сдержал слово раб божий Семен.

* * *

Ее кружок был переполнен. Родители думали, что там их детишек учат рисованию. Но рисовать в обычном смысле Ирочка не умела. К счастью, дети в этом не нуждались. Они искали того, кто бы им

Лана Барсукова

не мешал. И тут Ирочка была на своем месте. Летящий мышонок? Прекрасно! Червяк под зонтиком? Здорово! А главное, она узнавала, что нарисовал ребенок, еще до сбивчивых комментариев молодого дарования. На месте загогулин и разводов ей удавалось увидеть улитку, бодающуюся с трактором. А что же еще? Это же очевидно! Случалось, что она была единственной из взрослых, кто мог расшифровать детский замысел. Опыт с «гипсорятами» не прошел бесследно. Мир фантазии впускал Ирочку в свои владения беспрепятственно, словно она была там завсегдаем. И счастливый взгляд ребенка подтверждал ее право входить в этот мир.

Своих воспитанников Ирочка называла «талантулами», соединяя воедино «талант» и «тарантул», потому что эти талантливые дети, а других она не знала, забирали ее жизнь полностью, без остатка. Она принадлежала только им. Часы работы ее художественной студии были лишь декоративной надписью на доске расписания, не более. Ирочка не придерживалась расписания, закрывая студию только поздно вечером. И, идя домой, присматривалась к облакам, к сугробам, к кронам деревьев, чтобы с утра поделиться с детьми наблюдениями, рассказать, как облако поранилось о елку. И дети рисовали страдающее облако и спешащий к нему на помощь ветер, снимающий небесного пушистика с колючих веток. «Талантулы» были преданы ей до доньшка своих детских душ.

Модная штучка

Ирочка проработала в «рассаднике красоты» три года. За это время она полюбила Изольду с ее манерами актрисы немого кино, выучила все болячки Маруси Ивановны, нашла для Петровича на блошином рынке фотоглянцеватель, узнала от Сан Саныча, что «Амурские волны» и «На сопках Маньчжурии» — это разные песни. И спела их вместе со всеми на похоронах подполковника-шахматиста. Словом, жизнь катилась себе помаленьку. На этот раз не в гору или под откос, а как будто по ровному полю.

Но через три года на адрес клуба пришел конверт. Письмо было от местного органа власти, а значит, излучало угрозу по определению. Воспоминания о ковровой эпопее еще не стерлись из памяти, на всякий случай молоток и гвоздодер не убрали далеко. Малочисленный трудовой коллектив подозрительно косился на лиловую печать, которая заменяла адрес отправителя. Маруся Ивановна заранее накапала себе валокординчика, приготовившись к худшему. Изольда обмахивалась импровизированным веером, сделанным на скорую руку из инструкции к недавно купленному аппарату для выжигания по дереву. Аппарат был мощный, а инструкция хлипкая, веер постоянно заламывался, отчего Изольда никак не могла успокоиться. Петрович нервно щелкал затвором ФЭДа, фотографируя их сосредоточенные лица. Фотографировал без пленки, просто чтобы чем-то себя занять.

Лана Барсукова

Решено было конверт не вскрывать до прихода Сан Саныча. Ирочка живо прокомментировала:

— Типа если рванет. Одним пальцем больше, одним меньше...

Черный юмор, но хоть какой-то. Ирочка изо всех сил пыталась разрядить обстановку.

— А может, нас наградить хотят?

— Разве что посмертно, — обрубил шутку Маруся Ивановна. — У нас наказывают невиновных, а награждают не причастных.

И снова тишина. Коллектив молча смотрел на конверт. Лиловая печать органа власти не предвещала ничего хорошего. Наконец веселой походкой подошел Сан Саныч. Ему вручили конверт и, тревожно вглядываясь в его лицо, пытались угадать, какое впечатление это на него произведет. Ничего нового: при виде печати Сан Саныч заметно погрузнел. Брови насупились, а губы беззвучно зашевелились. Ирочке показалось, что он матерится. Это строго запрещалось в детском клубе. Но случай был исключительный.

Все смотрели на конверт в руках Сан Саныча как на бомбу. И письмо действительно «рвануло»: выпиской из протокола их извещали, что «принято решение о прекращении деятельности...». Дескать, сворачивайтесь, увозите манатки, освобождайте помещение. Видимо, и на этот подвал нашелся платежеспособный арендатор. И непонятно, куда бежать, с кем воевать. «Принято решение» —

Модная штучка

это гениальная бюрократическая завеса, скрывающая авторство пакости. Кем принято? Кто герои? Нет ответа, молчат из скромности.

Ирочка оглянулась и увидела дрожащие губы Изольды, нервно впившиеся в пластилин пальцы Маруси Ивановны, растерянный взгляд Сан Саныча. Петрович предложил «бороться до конца» и тут же поинтересовался, возьмут ли фототехнику в музей. Стало быть, предвидел, что конец близок. Их армия оказалась деморализована, неспособна к боевым действиям. И Ирочка поняла, что разгром неизбежен. От капитуляции их отделяет лишь одна живая душа — она. Ничего не умеющая фантазерка, рисующая с «талантулами» идиотические картинки. Нет, только не это. Какой из нее полководец, когда она свое Ватерлоо уже проиграла? Но ведь полководцем выбирают не умного и сильного, а того, кто умнее и сильнее остальных. Откуда-то всплыло: «Пронеси сию чашу мимо». Кино? Библия? Не важно, только пронеси.

Но не пронесло. Слишком беспомощными и родными выглядели эти старики и слишком привычными были детские голоса в этом подвале, чтобы оттолкнуть от себя сию чашу, сдаться без боя. Ирочка зажмурилась от страха, а когда открыла глаза, в них сиял осколок детского мультика, где герой постоянно повторял: «Есть ли у вас план, мистер Фикс?» И тот неизменно отвечал: «Есть ли у меня план? Да, у меня есть план». С этой пе-

Лана Барсукова

реклички начиналась несусветная путаница, меси-во недоразумений, когда весь план летел в тартарары, но в итоге события как-то вырुливали на счастливый финал. Потом все повторялось, и мультик тянулся как резинка для трусов. Ирочка-девочка обожала его. И вот Ирочке-взрослой-тете предстояло сыграть в нем главную роль.

Для начала Ирочка провела ревизию своих активов. Что она имеет? Грошовую зарплату. Стало быть, столбовая дорога решения всех проблем — взятка — для нее закрыта. Неземная красота? Такая, чтобы зайти в кабинет чиновника, лишит его покоя, зажечь в нем пламя рыцарской любви? С этим, надо признать, дефицит. На Дульсинею Тобосскую она не тянет, да и Дон Кихоты по вертикали власти выше почвенного уровня не поднимаются. И что этот Дон Кихот получит от Ирочки? Вот именно, ничего. А если подвал займет предприниматель, то улучшатся показатели инвестиционного климата для развития малого бизнеса. Нет, сам бизнес, скорее всего, загнетса, но главную свою миссию — улучшение показателей — выполнит.

Может быть, стоит напрячь родителей своих «талантулов»? Чтобы они, как обманутые вкладчики, стояли с расписными плакатами напротив мэрии? Раньше писали «Руки прочь от Анжелы Дэвис», а теперь будет «Руки прочь от нашего подвала». Да, мельчает мир. Вместо борьбы планетарного масштаба битва за отдельный подвал, пря-